

АНАЛИЗ КРИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К КОНЦЕПЦИИ ОРИЕНТАЛИЗМА ЭДВАРДА САИДА

Данная статья посвящена анализу критических подходов к концепции ориентализма Эдварда Саида. В рамках этой концепции все исследования по истории Востока рассматривались как работы, которые оправдывали существование колониализма и способствовали его развитию. Именно эта составляющая идей Саида и побудила некоторых исследователей воспринимать его концепцию ориентализма негативно, поскольку она, по их мнению, дискредитировала западное востоковедение. Тем не менее ряд ученых отнесся к концепции ориентализма положительно. Они считали, что, это был совершенно новый подход к исследованию истории стран Азии и Африки.

The article is dedicated to the analysis of critical approaches to E. Said's concept of Orientalism. Within this concept all research on Oriental studies was considered as pieces of work which justified the existence of colonialism and promoted its development. It was this component of Said's ideas that induced some researchers to perceive his concept of Orientalism negatively because, in their opinion, it discredited western Oriental studies. Nevertheless, a number of scientists perceived the Orientalism concept positively. In their opinion, it was an absolutely new approach to the research of the history of Asian and African countries.

Ключевые слова: ориентализм, критика, колониализм, Э. Саид, история Востока.

Keywords: Orientalism, criticism, colonialism, E. Said, history of Asia.

Концепция ориентализма Э. Саида неотделима от серьезных изменений в историографии востоковедения, антропологии и постколониальной теории. Она вызвала как критические, так и хвалебные отзывы множества исследователей. После публикации Саидом книги «Ориентализм» наиболее крупные и известные историки выступили с критикой его идей. Причина этого заключалась в том, что Саид поставил под сомнение профессионализм западных исследователей, обвинив их в предвзятости и политической ангажированности.

Цель данной статьи — выявить сущность критики концепции ориентализма Э. Саида. Для ее написания был использован широкий круг источников. Среди них необходимо отдельно выделить книгу «Ориен-

тализм» Э. Саида [3], а также работы ученых из различных гуманитарных дисциплин, которые выступили с системной критикой концепции ориентализма. К их числу относятся исследования таких историков, как М. Родинсон [18], М. Керр [12] и Б. Льюис [13], а также антрополога Дж. Клиффорда [9] и литературоведа А. Ахмеда [5]. Помимо этого, была привлечена книга З. Локмана «Неоднозначное видение Ближнего Востока: история и политика востоковедения» [15], рассматривающая идеи Саида и содержащая основные критические обзоры его работ, также статья Г. Пракаш «Ориентализм сейчас» [17], которая рассматривает реакцию научных кругов на концепцию ориентализма Саида, и др. В русскоязычной историографии критика концепции ориентализма представлена небольшим числом исследований. Кроме того, многие из них уделяли внимание не столько критике идей Саида, сколько рассмотрению сущности ориентализма. Тем не менее из русскоязычных исследований можно выделить «Неориенталистские мотивы в жизни и творчестве Эдварда Саида» А. Ю. Ашкерова [1]. «Ориентализм “ориентализма” Э. В. Саида» А. А. Тесли [4], а также «Ориентализм» Э. Саида. Теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к разработке нового понимания проблемы» М. Д. Никитина [2]. Авторами этих статей анализируются и критикуются составляющие самой концепции ориентализма, а также ее значение для историографии.

Следует отметить, что до сих пор неясно, почему ориентализм Саида оказал такой значительный, а по мнению некоторых, разрушительный, эффект на историографию востоковедения, так как это не было первой попыткой критики западной науки. Критический анализ западных знаний о Востоке существовал и до работ Саида. Например, Абдуррахман аль-Джабарты, египетский летописец и свидетель вторжения Наполеона в Египет в 1798 г., не сомневался в том, что экспедиция была как эпистемологическим, так и военным завоеванием [3, с. 115]. Затем исследования А. Малика, Б. С. Кона и Л. Тибави отслеживали отношения между европейскими представлениями и правлением на Востоке [10, с. 200]. Тем не менее именно книга Саида вызвала беспрецедентную реакцию.

По мнению многих исследователей, концепция ориентализма имеет явный политический подтекст [15, с. 201]. Однако если рассматривать ее только в этом свете, то легко оставить незамеченным тот факт, что Саид в своей работе прибегает к междисциплинарности, постоянно выходя за границы различных дисциплин. Именно поэтому для напи-

сания «Ориентализма» он использовал научные исследования, политические трактаты, литературу и филологию. Саид обращался также и к запискам путешественников. Важной спецификой и особенностью концепции ориентализма было то, что она заложила интеллектуальную и идеологическую основу для уничтожения оппозиции между Востоком и Западом. Идеи Саида позволили иначе взглянуть на понятия академической объективности. Однако его взгляды имели и негативное последствие. Публикация «Ориентализма» привела к дискредитации широкого спектра исследований по истории Востока, обвинив их в расизме и политической ангажированности. Все это обусловило раскол в историографии, разделив исследователей на сторонников и противников концепции ориентализма.

Прежде чем рассмотреть основные критические обзоры, касающиеся концепции ориентализма, важно отметить, что все они содержали ряд общих замечаний. Основными объектами критики являлись следующие составляющие концепции ориентализма:

1. Восприятие Э. Саидом востоковедения как науки, служившей интересам западного колониализма. Это ставило под сомнение беспристрастность и академичность как исследователей истории Востока, так и их работы.

2. Использование концепции М. Фуко «знание — власть» как методологической основы для критики западного востоковедения.

3. Игнорирование восточных исследований и концентрация только на западных текстах. По мнению ряда ученых, это лишило возможности рассмотреть ориентализм с точки зрения восточной интеллигенции и ученых, а также обусловило образ Запада как некой неизменной, статичной сущности.

4. Пренебрежение немецкими исследованиями.

5. Недостаточная аргументированность. Большинство критиков идей Э. Саида обратили внимание на то, что он непрофессиональный историк, поэтому многие факты, приведенные им, являются неточными или крайне спорными.

Самые ранние обзоры и рецензии «Ориентализма» были главным образом негативными. Наибольшее внимание в них уделялось взаимосвязи между наукой и политикой, которая являлась одной из наиболее важных составляющих в концепции ориентализма Саида. Так, например, Б. Льюис, чья значительная исследовательская деятельность подвергнута острому критическому анализу в «Ориентализме», в своей ре-

цензии в «New York Review of Books» обвиняет Саида в «отравлении» и «загрязнении» истинной истории востоковедения [13, с. 49]. Как утверждал Льюис, ориентализм в том виде, в каком его сформулировал Саид, был архаичным термином, который подвергли критике сами западные историки, поскольку эта наука уже не отвечала требованиям ученых [13, с. 51]. Современное же востоковедение, по его мнению, является слишком разнообразным и имеет мало сходства с парадигмой, существовавшей в XIX в.

М. Керр, один из крупнейших западных востоковедов, счел аргументы Саида крайне неоднозначными. По его мнению, утверждение Саида, что «независимо от доброй воли ученых все они находятся под властью правящей элиты» и виновны в «распространении старых расистских мифов европейского ориентализма, чтобы способствовать делу западного имперского господства на Востоке», в лучшем случае «аргумент предвзятый и очень спорный» [12, с. 89]. Керр признавал, что у ближневосточных исследований в Соединенных Штатах были недостатки и предрассудки, но «должны ли мы винить исключительно западную традицию востоковедения и действительно ли она внесла решающий вклад в эту проблему — другой вопрос» [12, с. 88]. Керр считает, что связь между имперскими интересами и наукой исследовалась не при помощи анализа причин ее возникновения, а при помощи полемики между противоборствующими сторонами. Проводя критический анализ идей Саида, Керр обвинял его в том, что он изображает востоковедов в карикатурном виде. Однако следует отметить, что в то же время Керр полагал, что книга Э. Саида «Ориентализм» должна была быть написана, потому что она разоблачает, бесспорно, существующие западные предубеждения об исламе и арабах.

Говоря о стереотипности и предвзятости западных работ, следует отметить, что в русскоязычной историографии можно найти исследователей, которые поддерживают точку зрения западных ученых. По мнению российского исследователя А. Тесли, «побежденные немцы не потому, что не могут говорить, а потому, что у них нет своего языка, они принуждены говорить на языке победителя. Саид получает возможность говорить и быть услышанным в той мере, в какой он сам является ориенталистом — его дискурс закономерным образом оказывается един с коллегами-противниками» [4, с. 3]. Другими словами, если западные востоковеды были предвзяты, исследуя Восток, то и Э. Саид также не смог избежать их стереотипов и недостатков.

Одной из центральных тем в критическом анализе ориентализма Саида было утверждение о том, что многие ученые в рамках западного востоковедения смогли избежать предубеждений и сохранить научную беспристрастность. Среди критиков громко звучало утверждение о том, что имперские интересы не могли быть столь сильными и подавляющими, чтобы исказить исследования огромного числа ученых из разных стран и исторических периодов, культур и академических сфер. Так, например, Льюис признал, что некоторые востоковеды, возможно, «служили или получали выгоду от имперского доминирования» [13, с. 54], но европейское исследование ислама и арабов началось за столетия до европейской экспансии и колониализма. Эти исследования активно развивались в таких странах, как Германия, которые никогда не осуществляли откровенную и последовательную колониальную политику. Другими словами, как утверждал Льюис, расистские взгляды и стереотипы могут оказать влияние на видение многих западных жителей, как это, несомненно, и было в XIX в., но стремление востоковедения как академической дисциплины всегда заключалось в необходимости уничтожать предубеждения и представлять действительность такой, как она есть. По мнению Б. Льюиса, заявления о том, что ориенталисты пытались достичь знаний о Востоке, чтобы доминировать над ним, «были до смешного неадекватными» [13, с. 54].

Для того чтобы сохранить западное востоковедение как академическую дисциплину, историки всегда подчеркивали в противовес Саиду, что взаимодействие науки с западным империализмом было периферийным и эпизодическим. Определить востоковедение как нечто большее, чем мимолетная ассоциация с властью, — это отказаться от восприятия науки как чего-то, что выше культурных и политических условий. Таким образом, многие исследователи и критики Саида признавали, что в рамках исследования Востока существовали расистские стереотипы, а также, с политической точки зрения, мотивированные искажения [15, с. 219]. Тем не менее идея Саида о том, что все западное востоковедение было напрямую связано и обусловлено западным колониальным господством, была неприемлема.

Также подвергался критике тот факт, что в своих исследованиях Саид опирался на концепции М. Фуко. Э. Саид считал, что ориентализм — это дискурс, который создает и делает узнаваемой такую категорию, как Восток. Поэтому Саид сливает воедино все тексты, касающиеся истории Востока, и формирует единое интертекстуальное пространство, объеди-

няя работы, отделенные десятилетиями, различными дисциплинами и странами. По мнению критиков Саида, это фрагментирует работы отдельных авторов, лишает их объективности [17, с. 203]. Льюис по этому поводу писал, что «Саид выбирал цели для своей критики произвольно, игнорируя основных ученых, их исследования и сосредотачиваясь на несущественных представителях и незначительных текстах» [13, с. 55].

Тот факт, что в своей концепции Саид сконцентрировался на взаимосвязи колониализма и научных исследований по истории Востока, принес известность и ему, и его идеям. Однако не следует забывать, что это позволило критикам обвинить Саида в узкости мышления и недостаточной аргументации. Использование им только западных исследований привело к тому, что его самого стали обвинять в ориентализме. Индийский ученый А. Ахмед жаловался, что работы Э. Саида «исследуют историю западной текстуальности о традиционных обществах Востока изолированно от того, как эта текстуальность была сформирована, принята, изменена интеллигенцией колонизированных стран. Единственные голоса, которые мы слышим в книге, являются именно теми западными голосами, которые, как жалуется Саид, пытаются подавить Восток» [5, с. 112]. Ахмед считал, что Саид эссенциализировал Запад. Кроме того, Ахмед был не согласен с утверждением Саида о невозможности найти истину в рамках научных исследований.

Помимо всего прочего, Саида критиковали и за пренебрежение немецкими исследованиями, которые были многочисленны и не менее значимы, чем англо-французские, но которые Саид проигнорировал в своей концепции. Так, по мнению многих историков, Германия, не имеющая существенных колониальных владений, но в которой сформировалась своя востоковедная традиция, являлась ярким доказательством ошибочности идей Саида. Относительно этого М. Родинсон, французский ученый, писал: «Слишком легко выбрать для исследования, как Саид это и делает, только английских и французских востоковедов. Поступая так, он имеет в виду только типичных представителей огромных колониальных империй. Но ориентализм существовал и до империй, и пионеры ориентализма часто были субъектами других европейских стран, не имевших колоний» [18, с. 61]. Ф. Мальти-Дуглас в своем критическом обзоре книги «Ориентализм» подчеркивала, что «влияние Германии на американское востоковедение было больше, чем влияние Великобритании, и, конечно, более значительно, чем влияние Франции» [16, с. 726].

Что же касается других критических замечаний о концепции ориентализма, то необходимо отметить, что Э. Саид, будучи литературоведом, был далек от исторических академических кругов, что привело к некоторому пренебрежительному отношению к его идеям. Многие ученые концентрировались на том факте, что Саид был плохо знаком с исследованиями по истории Востока. Это повлияло на одностороннее рассмотрение фактов, которые были основой теории Э. Саида [15, с. 234]. По мнению критиков, недостаточное знание историографии Востока, этапов ее развития, привели Саида к ложным и скоропалительным выводам, упрощенному видению развития западного востоковедения. Помимо этого, для ученых был чужд дискурс Э. Саида, переполненный постмодернистскими терминами.

Кроме того, очень важной составляющей критики была недостаточная аргументированность концепции Э. Саида. По мнению ряда ученых, из своего анализа ориентализма Саид исключил большое количество востоковедов. Историк Д. Литтл в своем критическом обзоре «Ориентализма» в «*International Journal of Middle East Studies*» удивлялся, почему Саид проигнорировал многих крупных исследователей и писал о том, что «он не может просто исключить часть ученых для своего удобства» [14, с. 121]. А. Хурани в «*New York Review of Books*» отметил, что ошибка Саида заключалась в пренебрежении большим количеством известных исследователей. Даже социолог Б. Тернер, который являлся сторонником Саида, отметил, что игнорирование таких ученых, как М. Уотт, К. Крагг, У. Смит, сделало его концепцию ориентализма уязвимой для критики, а также значительно обеднило ее [19, с. 112].

Первоначально исследователи восприняли концепцию ориентализма негативно. Тем не менее анализ Саида вызвал и позитивную реакцию. М. Дэлби, внося вклад в обзор концепции в «*Journal of Asian Studies*», поддержал определение Саида, в рамках которого ориентализм — это дискурс. Дэлби утверждал, что «как минимум, и я настаиваю на этом, никто не должен думать, что он выдумал все это, потому что связь между востоковедением и колониализмом существовала всегда» [17, с. 204]. Т. Асад писал, что ориентализм был «не только сборником западных предубеждений и искажений об арабах и мусульманах», но прежде всего анализом «властных структур ориенталистского дискурса, характер которого воспроизводился снова и снова через академические тексты, фильмы о путешествиях, литературные работы, воображения и попутные замечания общественного человека» [15, с. 204].

Восприятие Саидом работ по истории Востока как единого дискурсивного пространства, которое содействовало усилению колониализма, а также стало составляющей западной культуры, нашло поддержку среди многих исследователей. Междисциплинарный подход, привлечение концепции М. Фуко, которые использовал Саид, обогатило науку. Так, например, антрополог Дж. Клиффорд указал, что концепция ориентализма Э. Саида была «новаторской попыткой использовать Фуко систематически в расширенном культурном анализе» [8, с. 68]. Однако, как утверждал Клиффорд, проблема заключается в том, что Саид обращает особое внимание на отдельных авторов, а не на основной дискурс. Таким образом, Саид «снова обращается к традиционной интеллектуальной истории» [8, с. 73].

Б. Тернер, с точки зрения социологии, писал об ориентализме как о «картине, столько тонкой и разнообразной, что несмотря на то что в ней есть некоторые противоречия и недостатки», они не должны обесценивать этого «шедевра литературной, социальной и политической критики» [19, с. 111—112]. Для Тернера огромное значение концепции ориентализма Саида заключается в ее уникальности, в «комбинации методологического подхода литературной критики, структуралистского анализа и социологических знаний» [19, с. 110]. М. Аль-Дами в своей статье «Ориентализм и арабско-исламская история: расследование побуждений и принуждений ориенталистов» поддерживал мнение Саида относительно того, что ориентализм — это интеллектуальный результат европейского объединения власти со знанием. Другими словами, это западное культурное явление, которое особенно связано с колониальным восприятием Востока, его людей и истории [6].

Подводя итог, необходимо отметить, что очень сложно найти еще одного столь противоречивого и столь влиятельного ученого в XX в., как Э. Саид. Его концепция ориентализма вызвала бурю протестов и непонимания среди крупных исследователей. Такая реакция отнюдь не является неожиданной, поскольку основная идея Саида заключалась в том, что все накопленные знания и все работы, которые создали западные ученые, являлись продуктом сосуществования науки и политики. Главной целью исследования Востока было установление пусть и не прямого, но политического контроля над данным регионом. Создание стереотипных и ошибочных представлений о странах Азии и Африки, основанных на научных работах, записках путешественников и других источниках, позволяло Западу, по мнению Саида, сформировать свою

идентичность. Таким образом, можно говорить о том, что резонанс, вызванный концепцией ориентализма, обусловлен тем, что Саид нанес удар по имиджу самих востоковедов, обвинив их в пусть и не всегда осознанном, но сотрудничестве с властью. Важно отметить, что такая позиция Саида действительно имеет ряд спорных составляющих. Тем не менее нельзя отрицать, что востоковедение как наука носила прикладной характер.

Однако, несмотря на то что идеи Саида носили неоднозначный характер, необходимо признать, что концепция ориентализма открыла новую страницу в историографии Востока. «Ориентализм», породив огромное количество дебатов и разделив востоковедов на противников и последователей Саида, дал толчок для начала новых исследований в русле постколониальной теории. Э. Саид провел четкую демаркационную линию между тем, чем было изучение Востока до него, и тем, каким оно стало после. Его работы привели к переосмыслению самого понятия «Восток».

Использование междисциплинарного подхода обусловило зарождение новых методов по изучению не только истории стран Азии и Африке, но и всемирной истории. Нарушение Саидом дисциплинарных границ послужило началом для поиска способов взаимодействия между литературой, историей, философией и антропологией и продолжило способствовать исследованиям в таких новых областях, как культурные, феминистские и постколониальные исследования [15, с. 210]. Конечно, и это очевидно, такие изменения в области науки не могут быть приписаны исключительно концепции ориентализма Саида. В то же время его работа является очень важной вехой дискурсивного изменения в литературных исследованиях, истории и антропологии. Эти изменения ставят под сомнение идеи происхождения власти, западного гуманизма и обеспечивают осознание того, что бинарные оппозиции по типу Восток — Запад обедняют науку и способствуют формированию стереотипов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ашкерев А. Ю. Неориенталистские мотивы в жизни и творчестве Эдварда Саида // Социологическое обозрение. 2002. № 4. С. 25—29.
2. Никитин М. Д. «Ориентализм» Э. Саида. Теория колониального дискурса и взаимодействие Востока и Запада: к выработке нового понимания проблемы // Новая и новейшая история. Саратов : СГУ, 2003. Вып. 21. С. 32—42.

3. *Caud Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский Мир, 2006. 637 с.
4. *Тесля А. А.* Ориентализм «ориентализма» Э. В. Саида. [Электронный ресурс]. 2011. URL: http://www.hrono.ru/libris/pdf/tesla_aa_orientalism.pdf (дата обращения: 14.12.2013).
5. *Ahmad A.* Orientalism and After: Ambivalence and Metropolitan Location // *Economic and Political Weekly*. 1992. Vol. 27, № 30. P. 98—116.
6. *Al-Dami M. A.* Orientalism and Arab-Islamic History: an Inquiry into the Orientalists' Motives and Compulsions. // *Arab Studies Quarterly*. 1998. Vol. 20, № 4. P. 3—11.
7. *Ashcroft B.* Edward Said. London : Routledge, 2001. 220 p.
8. *Cannadine D.* Ornamentalism: How the British Saw Their Empire. Oxford : Oxford University Press, 2002. 288 p.
9. *Clifford J.* The Predicament of Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art Cambridge. Harvard: Harvard University Press, 1988. 398 p.
10. *Gran P.* Review of orientalism // *Journal of the American Oriental Society*. 1980. Vol. 100, № 3. P. 328—331.
11. *Hourani A.* The Road to Morocco // *The New York Review of Books*. 1979. Vol. 26. P. 27—30.
12. *Kerr M. H.* Islamic Studies: A Tradition and Its Problems Malibu : Undena, 1980. 211 p.
13. *Lewis B.* The Question of Orientalism // *New York Review of Books*. 1982. Vol. 13, № 29. P. 46—58.
14. *Little D.* Three arab critiques of orientalism // *The Muslim World*. 1979. Vol. 69, № 2. P. 10—131.
15. *Lockman Z.* Contending Visions of the Middle East: The History and Politics of Orientalism. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 330 p.
16. *Malti-Douglas F.* Re-orienting Orientalism // *Virginia Quarterly Review*. 1979. Vol. 55, № 4. P. 724—733.
17. *Prakash G.* Orientalism Now // *History and Theory*. 1995. № 34. P. 199—212.
18. *Rodinson M.* Europe and the Mystique of Islam. Seattle: University of Washington Press, 1987. 184 p.
19. *Turner B.* Review of orientalism // *Iranian studies*. 1981. Vol. 14, № 1, 2. P. 107—112.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2013 г.